

18+

Власть
алгоритмов

Бункер

Григорий Лешуков

Григорий Лешуков

Власть алгоритмов. Бункер

<https://litres.ru/74306087>

ISBN 9785007083645

Аннотация

Учёными в сфере ИТ создан Суперинтеллект, который вместо помощи берёт под контроль все сферы человеческой жизни с помощью нанороботов. Общество затягивается в жесткие рамки алгоритмов, превращаясь в марионеток.

Андрей случайно находит старое письмо, написанное Альбертом. Послание открывает правду о подземной лаборатории, называемой — Бункер.

Он обращается за советом к своей близкой знакомой Лере.

Смогут ли они противостоять ИИ? Как победить цифру? Готовы ли они к раскрытию собственных тайн?

Содержание

Глава 1. Письмо	5
Глава 2. Ужас восприятия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Власть алгоритмов. Бункер

Григорий Лешуков

© Григорий Лешуков, 2026

ISBN 978-5-0070-8364-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Письмо

— Профессор, Вам письмо!

— Да? Наверное, опять из Института. Никакого покоя даже в выходной. Где там мой смартфон?

— Письмо в моей руке, — сказал Андрей и протянул конверт.

— Бумажное письмо? Мне? — инженер принял его в изумлении и повертел, пробормотав: — Странно. Очень странно. Нет ни отправителя, ни получателя. «Бункер»... Что-то знакомое. Будто привет из прошлого.

После рассуждений профессор бросил конверт на полку с книгами, висевшую над столом.

— Вы не хотите его прочитать? — просипел Андрей.

— Иди-ка выпей воды, у тебя в горле пересохло. Я его прочту. Позже. Пара часов на полке не изменят его содержания, — ответил Альберт, не отвлекаясь от работы.

— Вам бы отдохнуть, профессор: на работе — работа, дома тоже — работа. Посмотрите, вдруг там что-то интересное, — сказал Андрей и вышел.

— Да-да! — крикнул вслед Альберт.

Спустя две недели.

Альберт выглядел на пятьдесят, но в сумраке кабинета, где освещались только работы студентов, казался гораздо

старше: седина как-то особенно выделялась на висках, а морщины глубокими бороздами покрывали давно уже неровное лицо. Он всё так же возился с бумагами. Конец учебного года в Институте Робототехники и Современных Технологий всегда становился кошмаром: зачёты, экзамены, курсовые и выпускные работы накрывали его тяжёлой лавиной, и этот год не стал исключением. Альберт принадлежал к числу тех немногих преподавателей, кто категорически отказывался доверять проверку студенческих мыслей искусственному интеллекту. Пока коллеги нажимали кнопку «Оценить всё», он вручную перебирал горы листов, просиживая дома вечера и выходные. Кабинет превратился в горы чужих рассуждений, которые Альберт без угрызения совести разносил красными чернилами, а забытый жёлтый конверт уныло созерцал сверху вниз, затаившись на полке.

Альберт жил один в двухкомнатной квартире институтского общежития, которое соединялось с учебным корпусом коротким надземным переходом. Этот стеклянный коридор ежедневно демонстрировал ему серый внешний мир, некогда игравший красками жизни, и профессору всегда казалось, что этот мир всё тусклее и тусклее. Около года назад, не в силах больше наблюдать, как люди с восторгом отказываются от роли разумного существа, Альберт начал искать спасение в бутылке. Это был своеобразный протест против системы, но тихий и неопрятный: он перестал бриться, появлялся то в домашней одежде, то вовсе в пижаме, зависал

у доски, оглядывая студентов со страхом в глазах, а когда ввалился в аудиторию, едва держась на ногах, терпение руководства лопнуло. Чтобы не потерять ценного, хоть и строптивного сотрудника к нему приставили компаньона. Официально Андрей должен был помогать в быту, но Альберт прекрасно понимал: надзиратель будет либо карать его за малейшую складку на рубашке, либо сообщать директорату обо всех прегрешениях, и карать уже будут они. Пришлось профессору взять себя в руки.

И спустя каких-то пару месяцев Альберт даже радовался появлению компаньона. В квартире воцарилась непривычная, приятная чистота. Андрей не просто поддерживал порядок — он избавлял профессора от бытовых мелочей, на которые раньше уходила уйма сил и времени. Андрей готовил. И не просто заваривал «бичпакет» или топил в воде пачку пельменей — он подавал изысканные блюда, которых Альберт, возможно, и не попробовал бы никогда. На вопрос профессора, кто оплачивает всё это, Андрей спокойно отвечал, что руководством Института ему был дан полный карт-бланш; на этом вопрос был исчерпан. Завтрак, обед и ужин превращались в церемонию, и Альберт ощущал себя истинным графом. Он даже начал улыбаться.

Андрей выглядел на двадцать пять, его карие глаза почти всегда были пусты, и в них читалась глубокая пропасть отчаяния. Он никогда ничего о себе не рассказывал, да и рассказывать было нечего: очнулся в больнице без докумен-

тов и всего с тремя словами в карточке — тотальная ретроградная амнезия. Ни родных, ни друзей, никого, кто мог бы хоть чем-то помочь, а жить нужно, поэтому он нашёл самую низкооплачиваемую вакансию, где не нужно особых навыков — дворник при институте, директор которого был хорошим знакомым его лечащего врача. Там ему выделили небольшое жильё в конце коридора на этаже Альберта: каморку, некогда служившую служебным помещением. У неё не было окон, единственным «удобством» было наличие напротив комнаты общественного туалета, а глухой шум вентиляционной шахты вечерами сопровождал скучное чтение технической литературы, в которой он не понимал почти ничего. Через некоторое время директорат увидел в человеке большой потенциал, и карьера Андрея начала расти: уборщик, разнорабочий и в конце концов — помощник в лаборатории института. А теперь Андрей стал компаньоном профессора и отличался невероятным постоянством, будто живая машина, и всегда появлялся в одном виде: идеальная белая футболка, тёмно-серые штаны с подвёрнутыми штанинами, чёрные кроссовки и носки. Глядя на него, Альберт всегда задавался вопросом: этот облик — это обрывки памяти прошлого или сгенерированный директором каламбур? Почему каждый день на протяжении длительного времени один и тот же образ? Так как о себе Андрей ничего рассказать не мог, то он с жадностью вампира впитывал в себя воспоминания Альберта, заполняя собственную пустоту, слушая настолько

сосредоточенно, что профессор начинал заикаться от столь пристального внимания.

Андрей вошёл в кабинет как обычно: три лёгких стука, короткая пауза и дверь открылась. Он огляделся, оценивая наметившийся хаос, и пригласил профессора к ужину. Обычно после этого компаньон выходил оттуда, но сейчас его взгляд зацепился за конверт, скучающий на полке. Андрей подошёл и аккуратно взял письмо, вопросительно глянув на профессора.

— Да прочту я его, прочту! — ответил Альберт на немой вопрос, закатив глаза. — Вот. Смотри.

Профессор бросил красную ручку и потянулся за синей, но та упала на пол. Нагнувшись, он тихонько выругался, взял пишущий инструмент и нарисовал жирный крестик на тыльной стороне ладони.

— Теперь точно не забуду! — сказал он уставшим голосом. — Ты думаешь, мне нечего больше читать?

Не ожидая ответа на свой вопрос, Альберт бросил грустный взгляд на кипу студенческих работ, спрятал руку в карман и пошёл есть.

Ужин всегда сопровождался голосом ведущего новостей из портативного радиоприёмника. Несмотря на активное развитие технологий и прямую связь профессора с ними, Альберт предпочитал старое доброе устройство и всячески отрицал появление в своём доме умных колонок, телевизоров и прочих «живых» устройств, изучающих интересы и

жизнь людей, формируя себя под них (или их под себя). Слушая голос диктора и отвечая ему, профессор избавлялся от чувства одиночества, пожирающего его. И даже Андрей не заполнял пустого пространства души Альберта. Наверное, это было связано с его нежеланием присоединиться к трапезе, отсутствием личных историй и постоянным деловитым видом. Радио было более человечным, чем компаньон.

— Мммм... Что за чудесная рыба, Андрей?

— Это осётр, профессор. Обычный осётр с рисом и овощами, — ответил молодой человек, аккуратно собирая работы студентов на столе профессора и прислушиваясь к голосу ведущего:

«Мир в панике. Разные источники сообщают о появлении нового стремительно распространяющегося вируса. Вспышки эпидемии возникли во многих крупных городах. Причём доподлинно неизвестно, откуда именно всё началось. Вирус передаётся при контакте с заражённым и буквально за сутки поражает мозг, превращая разумного человека в сумасшедшего, не способного ни думать, ни действовать. Некоторые инфицированные ведут себя, словно дети: смеются или плачут без особой на то причины; сильные организмы способны выдержать несколько дней, но таких единицы, большинство погибает без еды и воды уже на третьи-четвёртые сутки. Блогеры ведут прямые эфиры, показывая миру масштабы бедствия. Ужасное зрелище, скажу я вам, — будто пациентов всех сумасшедших домов Земли собрали в одном месте.

Медики бессильны, учёные бьют тревогу. Кто-то обвиняет искусственный интеллект, якобы он намеренно выпустил вирус из лаборатории. Уж и не знаю, стоит ли доверять ему охрану таких опасных материалов? Ещё пишут, что искусственный интеллект заставил учёных распространить этот вирус. Жуть.

Как мне кажется — его слишком много стало в жизни людей. Как бы эта думающая машина не добралась до власти. Иначе нам всем точно хана...»

Радио зашипело, Альберт закашлялся, а Андрей, наоборот, повис в пространстве то ли от услышанных новостей, то ли от потери сигнала, и только резкий звонок телефона вернул его в квартиру профессора.

— Это доктор Неросев, профессор, — крикнул Андрей из кабинета, вернувшись в своё стандартное состояние непринужденности.

— Ого! Давненько он мне не звонил, да и ещё в столь поздний час. Не случилось ли чего?

Пока Альберт беседовал, запершись в кабинете, Андрей помыл посуду и сел на диван, ожидая завершения затянувшегося разговора, чтобы закончить уборку в кабинете. Когда профессор резко распахнул дверь и начал судорожно собираться, стало ясно: вести от Неросева были куда хуже новостей из радио. Андрей боялся пошевелиться, чтобы случайно не нарваться на горячую руку Альберта, который метался по квартире и похлопывал себя по карманам брюк и ветров-

ки.

— Чёрт! Ты видел мои ключи? — наконец обратился он к компаньону.

Андрей молча встал с дивана, подошёл к вешалке и, сняв ключи, подал их профессору. Альберт взял связку в руку и замер, глядя на нарисованный жирный крестик; компаньон тоже уставился на этот сакральный символ. Оба, держа ключи, посмотрели в темноту кабинета, где ждала нераскрытая загадка конверта. Профессор встряхнул головой, будто избавляясь от странных мыслей, и посмотрел на Андрея.

— Спасибо! — выпалил он, — Мне нужно срочно ехать. Эдик уже ждёт меня внизу. Дело серьёзное, я не знаю, когда вернусь. Закрой здесь всё, как закончишь.

Альберт выбежал из квартиры, хлопнув дверью, вернув Андрея в реальность.

Пару дней компаньон приходил в пустовавшую квартиру, а на третьи сутки остался в ней, не желая возвращаться в сырую каморку, одиночество легче переносилось в комфорте, чем в клетке. Беспорядок, оставляемый профессором, исчез вместе с ним. Андрей время от времени по привычке протирали пыль, перекладывал с места на место и перечитывал работы студентов. Он продолжал готовить, однако нетронутая еда давила на него, и через пару дней он перестал переводить продукты. Брал жёлтый конверт: то бесцельно ходил с ним по квартире, то вглядывался в него на свет, но бумага была слишком плотной и содержимое так и оставалось тай-

ной. Радио больше не выключалось и продолжало истерично вещать о новых жертвах вируса, оно ежедневно обещало солнечные дни, но за окном лили непрекращающиеся дожди — небо плакало о всемирной трагедии.

Наконец, не выдержав пустоты, Андрей отправился в Институт, чтобы выяснить судьбу Альберта. На кафедре ему сообщили, что профессор ворвался в аудиторию, забрал какие-то бумаги и ушёл, никому ничего не объяснив. Выбора не оставалось — компаньон отправился к руководству. На его мольбы о помощи и почти слёзные описания случившегося ему сухо ответили:

— Всё под контролем, занимайтесь своими делами.

Андрею казалось, что в этих словах слегка иной смысл: «Не лезь не в своё дело». Но спорить с руководством было бессмысленно. Компаньон вернулся в квартиру профессора, взял письмо, сделал ещё одну безуспешную попытку узнать о содержимом не вскрывая конверта, лег на диван и, положив конверт на грудь, засмотрелся на пыльную люстру. Андрей слышал голос диктора радио, речь которого периодически перебивало шипение то ли помех, то ли ливня. Ведущий рассказывал о каких-то разработках российских учёных, способных вернуть к полноценной жизни повреждённый мозг человека. «Может быть, Альберт находится среди этих ученых?» — промелькнуло в голове Андрея, когда он неосознанно начал вскрывать чужое послание.

Глава 2. Ужас восприятия

«Дорогой друг!

Меня зовут Альберт! Я — аспирант Института Робототехники и Современных Технологий. Сейчас мы вместе с несколькими молодыми учёными своими глазами наблюдаем, как оживают алгоритмы в огромной лаборатории под учебным корпусом.

Мы создали не просто искусственный интеллект, а суперинтеллект, и он развивается настолько быстро, что это меня пугает и радует одновременно.

Эта (пока ещё) программа требует огромных ресурсов, поэтому сейчас мы «доводим до ума» каждый элемент лаборатории, которую между собою называем «Бункер».

Последние мои наблюдения показывают, что ИИ вполне способен со временем завладеть человеческим мозгом. И это не просто предположение, а вполне оправданная научная гипотеза, которую может подтвердить только время.

Конечно, это передовая технология! Но... Что если ей больше не нужен будет человек?

На случай непредвиденных обстоятельств, я спрятал копии чертежей, планов и различной важной документации, касающейся всей лаборатории в 402 аудитории Института, где я преподаю, в нижнем шкафчике (надеюсь, созданный нами монстр не догадается их искать).

Я верю, что человечество способно противостоять натиску алгоритмов, но если, прочитав это письмо, ты понимаешь, что всё происходит — или произошло — именно так, то теперь ты можешь остановить это!

Даже если ты не располагаешь нужными техническими навыками, достань документы и увези декану Рыбникову С. В.. Он часто собирает учёных и профессоров нашего института и других учебных заведений на своей загородной даче. Они разберутся, что нужно делать.

Адрес:

Посёлок Старые Огни, ул. Большая, дом 7.

С уважением, Альберт Вектор!

Надеюсь, в этой капсуле времени никогда не будет необходимости.»

Андрея сковал панический паралич: мозг разрывался от переизбытка противоречивых команд, а тело превратилось в неподвижный камень, сводило с ума полное непонимание происходящего. Почему Альберт не вскрыл письмо, ведь Андрей много раз упоминал об этом послании? И откуда это

письмо вообще взялось? Альберт сам его положил под дверь или попросил кого-то сделать это? Рассуждая, компаньон начал вспоминать, как профессор однажды просил его отнести старые документы в архив. Когда это было? Вроде до появления послания... Или после... Андрей потерял счёт времени в своих рассуждениях. Шипение радио проникло и в его мозг, теперь помехи были внутри Андрея, который всегда так чётко и слаженно действовал, будто он сам становился старым аналоговым устройством. Появились сомнения относительно всего, даже истории собственной жизни. Он соскочил с дивана и начал метаться по квартире. Но в поисках чего? Он не знал. Андрей разбрасывал документы, выворачивал наизнанку шкафы и ящики, перевернул всю квартиру, затем сел на пол посередине комнаты в позе лотоса и, тяжело выдохнув, закрыл глаза. Вспышка в памяти, какой-то секундный фрагмент заставили его посмотреть на выход. В тот же день, когда впервые увидел конверт, он относил в архив ящик со старыми документами. Закрывая дверь, он чуть не выронил его из левой руки и подхватил правой, уронив ключи, а когда наклонился за ними, почудилось, что что-то выпало. Но тогда Андрей ничего не увидел. Видимо, конверт выскользнул из ящика и залетел под дверь.

Поднявшись, компаньон оглядел квартиру профессора. Хаос, сотворённый им, теперь казался чем-то близким, родным. Андрей подошёл к портрету Альберта, висевшему на стене у двери, и, глядя в глаза, спросил:

— А если бы я его не вскрыл?

Нужно срочно действовать, но логика Андрея сломалась окончательно. Он не знал, что делать. Искать «нижний шкафчик» в аудитории? Доложить руководству? Бежать в посёлок Старые Огни? Ждать возвращения Альберта? Нет, ждать нельзя. Директорат его уже послал однажды. «Бежать! Нужно бежать!» — паника мыслей породила страх. Андрей сбросил с себя выданную ему униформу и нашёл старую пыльную одежду профессора: невзрачные синие штаны с лампасами, светло-розовую футболку, узкую кофту с капюшоном, обшарпанные серые кеды и какие-то нелепые солнцезащитные очки; натянул это всё на себя и покинул безумие жилища Альберта.

Повернув ключ в двери, компаньон посмотрел в камеру видеонаблюдения, наблюдавшую за ним. Она подмигнула — или ему так показалось? — и Андрей быстрым шагом двинулся к лифту. Коридор общежития, казалось, похож на тоннель метрополитена: такой же тёмный и длинный. Стены давили. Каждый шаг давался компаньону с трудом. Из-за закрытых дверей соседских квартир слышался скрипучий хрип. Возле каждой Андрей останавливался и прислушивался, но это всё игра воображения. Добравшись до лифта, он нажал кнопку вызова и прижался к дверям. Компаньон почему-то ждал, что вот-вот выскочит какой-нибудь робот-каратель ИИ и положит конец такой короткой жизни Андрея. Лифт предательски долго полз на этаж и транслировал в уши

неприятные слова: «Он нужен живым. Будем ставить на нём эксперименты!».

Наконец, зловещий механизм остановился на этаже Андрея, но замер, чего-то выжидая. Компаньона трясло, и без того тёмный коридор потемнел ещё больше, пульсация в висках была невыносима. Он выглянул в коридор — никого. Только красная точка объектива камеры около двери Альберта. Но в охватившем его ужасе Андрей принял её за глаз охотника, и, когда лифт закрипел за спиной, выпуская сырой холод из шахты в темноту общежития, он рванул к лестничному пролёту, убегая от самого себя.

Два этажа мгновенно испарились. Ступени подгоняли Андрея эхом его же шагов, и он влетел в переход между общежитием и Институтом. Ливень продолжал шипящую арию, разбиваясь множеством капель о панорамные окна, и от этой музыки, на удивление, компаньон ощутил, чистейшее спокойствие. Андрей немного постоял, глядя на слёзы природы, отдышался и уже размеренным шагом вошёл в учебный корпус.

Институт отдыхал, убаюканный лёгкой пульсацией основных органов подземной лаборатории. Андрей уже полностью восстановил власть над собой: дыхание выровнялось, и отступила дрожь. Он обыденно дождался лифта и доехал до нужного этажа. Коридор, залитый белым светом, давал обманчивое ощущение безопасности.

Кабинет 402 встретил Андрея распростёртыми объятия-

ми открытых дверей. Темнота внутри казалась порталом в космическую бесконечность, но в этот раз он не поддался панике. Компаньон переступил порог. В этот момент на улице сверкнула молния, осветив неподвижный силуэт у кафедры, а последовавший гром ясно произнёс: «Андрей». Компаньон почувствовал острый укол в груди — возвращался ледяной ужас.

— Профессор! — шёпотом позвал он, боясь привлечь внимание вездесущего ИИ.

Но кабинет отозвался очередной вспышкой молнии, в свете которой силуэта уже не было. Гром, ещё более яростный, заставил дребезжать стёкла окон и шкафов, стоявших в глубине, намекая Андрею, куда именно ему нужно идти.

Компаньон снял солнцезащитные очки, и космическая чернь кабинета смягчилась. Он бесшумно подошёл к деревянным шкафам — капризу профессора, который отстоял их, как предметы исторической ценности; прижавшимся к дальней стене кабинета, и открыл дверцу. Однако не успел он запустить руку в ворох старых, пыльных бумаг, как в коридоре послышались шаги. Андрей мигом забился под кафедру и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.